

Мурчик и Большой Секретный Сад

ЯУ-ЛЕНД
ГОД, ГДЕ ЖИВЕТ
ДОБРО
МУРЧАНИЕ

Рыбная-
Ватрушка

от. бабушки:
Мурчание
согревает
мир

ФАБРИКА
ВОЛШЕБНЫХ
КЛУБОЧКОВ

БАНКОВУС

МУР-1

ДОЛИНА ТИШИН
ДВЕРЬ ВЫБОРА
РЕКА МОЛОЧНОГО
КИСЕЛЯ

Милана Клён

Котик и Большой Секретный Сад

<https://litres.ru/74159763>

SelfPub; 2026

Аннотация

В уютном кошачьем городе Мяу-Ленде живёт пушистый котёнок Мурчик с волнистыми полосками и зелёным шарфиком, доставшимся ему от бабушки. Когда городской Сад начинает увядать, Мурчик отправляется в путь к Большому Секретному Саду, чтобы найти секрет цветения и понять, почему бабушкино Светящееся семечко никак не прорастает.

На дороге его ждут Долина Тишины, где можно увидеть друга только если умеешь слушать, Пик Полосок, где «неправильный» узор оказывается особым даром, Молочная Река, загрязнённая колючими вечными клубками, и фабрика господина Когтя, за злостью которого прячется старая боль. Мурчик учится отпускать мечты, чинить старое вместо того, чтобы выбрасывать, принимать свою непохожесть и помнить тех, кого уже нельзя обнять.

«Котик и Большой Секретный Сад» — тёплая философская сказка для детей и взрослых о дружбе, заботе, утрате, надежде и о том, что любовь продолжает цвести в маленьких делах.

Содержание

Начало	4
Глава первая. Домик с тёплым дном	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Милана Клён Котик и Большой Секретный Сад

Начало

Котик и Большой Секретный Сад

Глава первая. Домик с тёплым дном

Если рано-рано утром, когда сон ещё сидит на ресницах, как пушинка на усах, подойти к восточной окраине Мяу-Ленда, можно услышать, как просыпается целый кошачий город.

Сначала где-то вдалеке тянуло первое «м-р-р-р», тонкое и сонное. Потом ему отвечали второе, третье, десятое. Мурчание перекатывалось по крышам домиков-коробок, пробегаало по верёвочным мостикам, заглядывало в круглые окошки и щекотало лапы тем котикам, которые никак не хотели вылезать из-под одеяла.

Домики в Мяу-Ленде были не простые. Снаружи они походили на самые уютные картонные коробки на свете: с нарисованными рыбками, с мягкими углами, с дверцами, которые открывались от лёгкого толчка носом. Но внутри у каждого домика было тёплое дно. Стоило котику поставить на него лапы, как по подушечкам растекалось приятное тепло, будто кто-то налил в пол целую миску солнечного молока.

По улицам уже катились автобусы в форме консервных банок. Они важно звенели крышечками на поворотах и объявляли остановки сиплым, но очень вежливым голосом: «Следующая — Площадь Рыбной Ватрушки! Не забудьте хвосты,

зонтики и хорошее настроение!» На площади пекарь Творожок вынимал из печи первые ватрушки с рыбным кремом. От них пахло так, что даже самые строгие коты забывали строгие мысли и начинали улыбаться усами.

Над городом возвышалась Фабрика Волшебных Клубочков. У неё были трубы, похожие на спицы, и часы с двумя стрелками: одна показывала время, а другая — сколько сегодня в городе радости. На фабрике работали взрослые коты и кошки. Они наматывали на клубочки тёплые слова, смешные истории, сны про мягкие ковры и короткие лучики закатного солнца. Такие клубочки потом покупали в лавках, дарили на дни рождения, брали с собой в дорогу и катали по полу в дождливые дни.

А на улице Картонных Крыш, в домике с голубой ленточкой на трубе, жил Мурчик.

Он был котёнком круглым, пушистым и таким мягким, что однажды соседская тётушка Сметанка случайно приняла его за новую подушку. У Мурчика были большие глаза цвета тёплого янтаря, розовый нос, который всегда первым узнавал новости, и полосы на шерсти. Но не такие полосы, как у других котиков.

У других полосы шли ровно: раз, два, три — будто их провёл очень аккуратный художник линейкой. А у Мурчика полосы волновались. На лбу они изгибались, как дорожки улиток после дождя. На спине кружились маленькими завитками. На хвосте одна полоска вообще делала петлю, словно

передумала идти прямо и решила потанцевать.

Мурчик сначала думал, что это красиво. Потом в детском садике один котёнок по имени Барсик сказал: «У тебя полоски перепутались». Барсик сказал это не зло, а просто громко, как будто объявлял остановку консервного автобуса. Но с тех пор Мурчик иногда смотрел на себя в зеркало и тихонько приглаживал шерсть лапкой. Полоски, конечно, не выпрямлялись. Они только становились ещё пушистее.

На шее Мурчик носил маленький зелёный шарфик. Шарфик был старенький, с вышитыми по краю крошечными звёздочками. Его связала бабушка Мурлыка — самая мудрая кошка, какую Мурчик только знал. Бабушка умела печь печенье в форме лапок, чинить порванные сны, рассказывать сказки так тихо, что даже шумный чайник слушал и не свистел. А ещё она умела мурчать особенным образом: не громко, не нарядно, а так, будто где-то внутри комнаты зажигалась лампа.

Теперь бабушка Мурлыка не жила в домике с голубой ленточкой. Её кресло стояло у окна, накрытое пледом. На подоконнике осталась чашка с нарисованной рыбкой. А в маленьком глиняном горшочке лежало семечко Светящегося цветка.

Бабушка отдала его Мурчику в последний день, когда ещё могла сидеть в кресле и гладить его по голове. День был очень тихий. За окном падал мягкий снег из тополиного пуха, хотя на календаре стоял июнь. В Мая-Ленде такое иногда

случалось, если облака путали расписание.

«Это семечко особенное, мой хвостатый огонёк», — сказала бабушка. Её лапа была тёплая, но лёгкая, как листик. «Когда придёт время, ты поймёшь, где находится Большой Секретный Сад».

«А ты пойдёшь со мной?» — спросил Мурчик.

Бабушка улыбнулась. Улыбка у неё была такая, будто она знала ответ сразу на много вопросов, но не хотела торопить котёнка. «Я всегда буду где-нибудь рядом. Иногда в шарфике. Иногда в запахе печенья. Иногда в твоём собственном мурчании. Только слушай внимательно».

Мурчик тогда не совсем понял. Он крепко прижал семечко к груди и подумал, что обязательно вырастит Светящийся цветок. Большой, яркий, до самого потолка. Такой цветок, чтобы бабушка увидела его откуда угодно и вернулась полюбоваться.

С тех пор Мурчик поливал горшочек каждое утро. Он ставил его на самый солнечный край подоконника, поворачивал то левым боком, то правым, укрывал на ночь носовым платочком, чтобы семечку не снились холодные сны. Иногда он даже читал ему вывески с улицы: «Булочная Рыбных Ватрушек», «Починка Когтеточек», «Лавка Пуговиц для Подушек». Семечко слушало очень терпеливо. Но не прорастало.

В это утро Мурчик проснулся от того, что кто-то стучал в окно.

Тук-тук-тук.

Не громко, не сердито. Скорее так, как стучит дождик, если боится разбудить дом.

Мурчик высунул нос из-под одеяла. Нос сразу сообщил: в комнате пахнет утренней ватрушкой, старым шарфиком, чуть-чуть пылью и чем-то ещё. Чем-то тревожным, как холодный колючий клубок в животе.

Тук-тук-тук.

На подоконнике, рядом с глиняным горшочком, сидела почтовая синица. В Мяс-Ленде синицы тоже были кошачьи-ми: маленькие, усатые, с крылышками и в форменных шапочках. Эта синица держала в клюве конверт, перевязанный тонкой серебряной ниткой.

Мурчик соскочил с кровати, запутался лапой в одеяле, сделал почти настоящий кувырок и приземлился на коврик. Коврик вежливо сказал: «Мяс-ой». В Мяс-Ленде многие вещи умели говорить, если к ним падали с достаточной искренностью.

«Иду, иду!» — прошептал Мурчик и открыл форточку.

Синица важно сунула конверт ему в лапы.

«Для Мурчика, котёнка с улицы Картонных Крыш, домик с голубой ленточкой, лично в лапы, срочно, мур-чрезвычайно», — отчеканила она. «Подпись получите хвостиком».

Мурчик провёл хвостом по маленькой дощечке. На ней остался пушистый след.

«Спасибо», — сказал он.

«Всё в полном мур-рядке», — ответила синица и улетела

так быстро, что её шапочка на секунду осталась в воздухе, а потом догнала хозяйку.

Мурчик посмотрел на конверт. Серебряная нитка слегка светилась. На бумаге было написано знакомым почерком: круглые буквы, хвостики у букв длиннее положенного, а точка над «ё» похожа на маленькую рыбку.

Это был почерк бабушки Мурлыки.

Мурчик сел прямо на пол. Лапы у него стали ватными, а усы встали дыбом, как антенны на крыше старого радиомаяка. Он долго не открывал конверт. Смотрел на буквы и боялся, что если разорвёт бумагу, то что-нибудь очень важное исчезнет.

Потом он вспомнил, как бабушка всегда говорила: «Письма любят, когда их читают. Иначе они начинают чесаться от нетерпения». Конверт и правда чуть-чуть шуршал.

Мурчик осторожно развязал нитку.

Внутри лежал листок и маленькая карта. Карта была нарисована цветными чернилами. На ней виднелся Мяу-Ленд, похожий сверху на свернувшегося кота. За городом тянулась Долина Тишины. Дальше поднимался Пик Полосок. Потом блестела Молочная Река, а за ней был нарисован сад с закрытыми воротами. Над воротами стояли три слова: «Большой Секретный Сад».

Мурчик сглотнул и стал читать письмо.

«Мой дорогой Мурчик. Если это письмо прилетело к тебе, значит, городскому Саду нужна помощь. Не пугайся. По-

мощь — это не когда ты сразу всё умеешь. Помощь — это когда ты приходишь и не убегаешь от того, что трудно. Посмотри на семечко. Послушай своё мурчание. Возьми шарфик. И найди тех, кто умеет быть рядом по-разному. Твоя бабушка Мурлыка».

Письмо было коротким. Слишком коротким. Мурчику хотелось, чтобы там было ещё: как завязывать узелки на страхе, что делать, если лапы дрожат, и где именно искать тех, кто умеет быть рядом. Но бумага молчала. Только серебряная нитка на конверте светилась всё слабее.

Мурчик повернулся к горшочку.

Земля в нём была тёмная и ровная. Ни зелёного носика, ни тонкого стебелька, ни крошечного листика. Ничего. Только семечко где-то внутри, невидимое и упрямое.

«Ну пожалуйста», — прошептал Мурчик. «Хотя бы чуть-чуть. Я же поливал. Я же рассказывал тебе вывески. Я даже один раз спел колыбельную, хотя попал не во все ноты».

Горшочек не ответил.

И тут за окном раздался шум. Не обычный утренний шум Мяу-Ленда, где банки-автобусы звенят, пекари смеются, а котята спорят, чья лужа больше похожа на рыбу. Это был шум взволнованный, с хвостами, поднятыми вверх.

Мурчик надел шарфик, схватил письмо и выбежал из дома.

Улица Картонных Крыш уже гудела. Соседки стояли у калиток. Дворник Пушистый Пафнутий держал метлу вверх

ногами и, кажется, не замечал этого. Маленькие котята прижимались к взрослым лапам и смотрели в сторону городского Сада.

Сад находился в самом сердце Мяу-Ленда. Там росли фонарики-одуванчики, которые зажигались вечером сами собой. Там шептались кусты мягкой мяты. Там был пруд с зеркальными карасями, которые показывали котикам не лица, а настроение. Если котик подходил грустный, карась становился синим и пускал пузырьки. Если радостный — золотым и щёлкал плавниками, как маленькими тарелочками.

Сегодня над Садам висела серая дымка.

Мурчик побежал вместе со всеми. Его лапы шлёпали по тёплой мостовой. Шарфик подпрыгивал на груди. Письмо он держал так крепко, что на бумаге остался след от коготка.

У ворот Сада собралось полгорода. Мэр Бархатный Ус стоял на перевёрнутой корзинке и пытался выглядеть спокойно. Получалось у него не очень: левый ус дрожал, правый ус тоже дрожал, а средний ус, которого у мэра вообще не было, наверное, дрожал где-то в душе.

«Мяу-граждане!» — начал мэр. «Прошу сохранять хвосты пистолетом и не наступать друг другу на лапы. Мы выясняем обстоятельства».

«Какие обстоятельства?» — крикнула тётушка Сметанка. «У меня мята завяла! Она мне вчера сама сказала: “До завтра”, а сегодня лежит, как мокрая варёжка!»

«Фонарики не светят!» — пискнул котёнок Рыжик.

«Караси показывают всем одно и то же настроение», — сообщил старый библиотекарь Кот Фолиант. «Серое. Очень невежливо с их стороны, но, боюсь, они не виноваты».

Мурчик протиснулся ближе к воротам. Железные прутья были увиты сухими стебельками. На земле лежали лепестки фонариков-одуванчиков: ещё вчера они были золотые и мягкие, а теперь стали бледными, будто кто-то вытер из них солнце.

В животе у Мурчика снова появился холодный колючий клубок. Он хотел спрятаться за тётушку Сметанку, но письмо в лапе тихонько нагрелось.

Мэр Бархатный Ус развернул большой свиток.

«Согласно древнему правилу, когда городской Сад начинает увядать, нужно открыть Дверь Выбора. Она находится у старой арки за фонтаном. Через неё может пройти котик, который найдёт Большой Секретный Сад и принесёт оттуда...» Мэр запнулся и поднёс свиток ближе к глазам. «И принесёт оттуда то, что нельзя положить в корзину, но можно принести домой».

Толпа зашумела.

«Как это — нельзя в корзину?»

«Может, это запах?»

«Или порядок?»

«Порядок в корзину тоже не влезает, я проверял», — сказал Пафнутий и наконец заметил, что держит метлу не тем концом.

Мурчик слушал и чувствовал, как сердце стучит в грудной клетке маленькими лапками. Дверь Выбора. Большой Секретный Сад. Всё было на бабушкиной карте. Значит, письмо прилетело не случайно.

Но тут к воротам вышла госпожа Лапсина, учительница правильной походки и ровного хвоста. Она всегда носила очки на цепочке и умела произносить слово «безобразия» так, что оно само становилось на цыпочки.

«Прошу внимания», — сказала она. «Дверь Выбора, как всем известно, открывается только перед котиками с идеально ровными полосками. Так записано в старых учебниках. Ровные полоски означают ровный характер, ровные мысли и ровную дорогу».

Мурчик невольно опустил глаза на свою шерсть. Волнистая полоска на боку выглядывала из-под шарфика так весело, будто даже не понимала, что сейчас ей полагается стыдиться.

«Пусть подойдут кандидаты», — объявил мэр.

К воротам вышли трое старших котят. У Барсика полоски были ровные, как рельсы для игрушечного поезда. У сестёр Беляночек полоски совпадали даже на хвостах. Все заплотировали лапами.

Мурчик тоже хотел похлопать, но письмо в его лапе стало горячее. Не обжигающе, а настойчиво. Как чашка чая, которую пора выпить, пока не остыла.

«Может быть, мне тоже...» — начал он очень тихо.

Никто не услышал.

Барсик подошёл к старой арке за фонтаном. Там действительно стояла дверь. Она была маленькая, деревянная, с круглой ручкой в виде клубочка. На ней блестела надпись: «ВЫБОР». Барсик пригладил шерсть, вытянул хвост и потянул ручку.

Дверь не открылась.

Барсик потянул сильнее. Дверь скрипнула, но осталась закрытой. Тогда подошли Беляночки. Они тянули вместе, потом по очереди, потом синхронно, как на уроке танцев. Дверь молчала.

Толпа притихла.

«Возможно, полосы недостаточно ровные», — пробормотала госпожа Лапсина, хотя у Беляночек полосы были такие ровные, что рядом с ними линейка могла бы расплакаться от зависти.

Мурчик сделал шаг вперёд. Потом шаг назад. Потом снова вперёд. Его лапы спорили между собой без разрешения хозяина.

«Если я подойду, все увидят мои полосы», — подумал он. «Хотя они и так их видят. Но сейчас увидят специально. Это гораздо страшнее».

Он почти спрятал письмо за спину, когда из Сада донёсся слабый звук. Не крик, не стон, не ветер. Это было маленькое «мур», такое тихое, что его можно было принять за шелест сухого листика. Но Мурчик услышал. Потому что это «мур»

было похоже на бабушкино.

Он перестал думать про полоски.

Иногда так бывает: страх сидит перед тобой огромный, нахохлившийся, с колючками во все стороны, а потом кто-то маленький зовёт на помощь — и ты вдруг видишь, что страх не стена, а просто куст. Через куст можно продраться. Потом долго вытаскивать колючки из хвоста, но всё-таки можно.

Мурчик поднял лапу.

«Я попробую», — сказал он.

На площади стало очень тихо. Даже крышечки автобусов перестали звенеть за ближайшим поворотом.

Госпожа Лапсина посмотрела поверх очков.

«Мурчик, милый, Дверь Выбора — вещь серьёзная. А у тебя...» Она запнулась, подбирая слово помягче, но слово всё равно вышло колючим. «У тебя полоски художественные».

Кто-то прыснул. Кто-то шикнул. Барсик покраснел ушами, будто пожалел, что когда-то сказал про перепутанные полоски.

Мурчику захотелось стать маленьким-маленьким, размером с пуговицу на подушке, и закатиться под ближайшую лавку. Но шарфик на шее вдруг легонько сжал его, будто бабушкина лапа.

«Я только попробую», — повторил Мурчик.

Он подошёл к двери. Деревянная поверхность была тёплой. На ней виднелись тонкие линии, похожие на узоры дре-

веси́ны. Мурчик присмотрелся и замер.

Линии на двери были не ровные.

Они изгибались, петляли, кружились и волновались. Одна делала завиток на самом краю, прямо как полоска на его хвосте.

Мурчик положил лапу на ручку-клубочек. Не потянул сразу. Сначала он тихонько замурчал. Не для толпы, не для двери, даже не для себя. Просто потому, что внутри было слишком много всего: бабушкино письмо, серый Сад, чужие взгляды, холодный клубок страха и маленькое «мур», которое звало из-за ворот.

Его мурчание вышло неровным. Сначала дрожало. Потом стало глубже. Потом вдруг подхватило ритм волнистых полосок: вверх, вниз, кружок, петелька, снова вверх.

Дверь вздохнула.

Да, именно вздохнула — как старый сундук, который много лет ждал, когда его откроют не силой, а правильной песенкой.

На дереве проступил свет. Он побежал по волнистым линиям, перебрался на лапу Мурчика, скользнул по его полоскам и вспыхнул на шарфике крошечными зелёными звёздочками.

Щёлк.

Дверь приоткрылась.

Толпа ахнула так дружно, что с ближайшего дерева

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.